



Н. Ч.: Я принцев танцую чаще всего, и мне, конечно, эти аристократичные образы нравятся, но хочется исполнить что-нибудь героическое, например Спартака.

? Что самое тяжёлое в вашей артистической жизни?

Н. Ч.: Тяжелее всего заставить себя утром просыпаться и идти на урок. Сделать первый шаг, первое движение на репетиции. Дело в том, что каждое утро у нас начинается практически одинаково, это не то чтобы утомительно, скорее рутинно. Одно и то же каждый день: балетная обувь, станок в классе, стандартный набор движений.

БАЛЕТ — ЭТО НЕ ЦИРК, ГДЕ УДИВЛЯЮТ ТРЮКАМИ И РАСТЯЖКОЙ

И. Б.: Да, наверное, работники офисов нас поймут (*смеётся*). Самое главное — настроиться на нужный лад и начать заниматься. А потом разогреваешься и легче становится. Ещё сложность, если много репетиций, — не перегореть.

? А самое прекрасное что?

И. Б.: Это сцена, это апофеоз всего труда, что был.

Н. Ч.: И благодарность зрителей.

И. Б.: Пермская публика, кстати, самая тёплая. У нас зрители всегда знают, когда аплодировать, отмечают все сложные элементы, это приятно, что понимают. А за границей прохладнее, может, люди скромнее? Всё вознаграждение в самом конце.

Н. Ч.: Мне кажется, там люди относятся к балету как к шоу — они заплатили деньги, теперь ждут развлечения. Зачастую так и есть: на гастролях приходится выступать в концертах, да и площадок специализированных, предназначенных для танцевальных постановок там гораздо меньше, чем в России. А балет меж тем — это не цирк, где удивляют трюками и растяжкой.

И. Б.: По реакции публики всегда можно сказать, удалось ли убедить зал, заразить его, вовлечь в историю, которую мы рассказываем. Когда артисты говорят об энергетике — верьте нам, мы правда это ощущаем. **■**